

ВИКТОРИЯ ЛЕДЕРМАН

КАЛЕНДАРЬ МАЙЯ

Виктория Ледерман
Календарь ма(й)я

ИД "КомпасГид"

2016

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2=411.2)6-445.1

Ледерман В. В.

Календарь ма(й)я / В. В. Ледерман — ИД "КомпасГид", 2016

ISBN 978-5-00083-161-8

Просыпаться утром и обнаруживать, что проживаешь дни в обратном порядке, – штука посерьезней «Дня сурка»! Шестиклассник Глеб Елизаров всего лишь нацарапал на древней стене дату «23.05.2013» – и отправился с парой одноклассников сначала в 22 мая, а затем в 21-е, 20-е, 19-е... Недавно перешедший в новую школу Глеб, увальень-отличник Юра Карасев и погрязшая в домашних делах Лена Зюзина видят в повторении вчерашних и позавчерашних событий кое-какие плюсы. Можно переписать итоговую контрольную, уклониться от драки с хулиганом или даже без угрызений совести спустить все карманные деньги на угощение – ведь утром купюры и монеты снова окажутся в кошельке! Но чем дальше школьники от 23 мая, тем слабее надежда вернуться назад в будущее – да и как стереть надпись, которую сделаешь только через неделю? Экскурсия к археологической находке, якобы относящейся к цивилизации майя, стала для троих ребят началом приключения, рассказ о котором не убедит ни одного взрослого. Или все же найдется тот, кто им поверит? Подростковая повесть «Календарь ма(й)я» – дебютная работа Виктории Ледерман, сразу снискавшая успех: детское жюри конкурса им. В. Крапивина удостоило ее специальным призом (2014). Автор мастерски показывает, как меняются характеры мальчиков и девочки, изгоев и эгоистов, под влиянием общей беды. Фантастические эпизоды складываются в настоящий роман воспитания, увлекательный и не обросший назидательностью, а многие детали жизни героев делают мир книги знакомым и близким любому подростку.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-00083-161-8

© Ледерман В. В., 2016
© ИД "КомпасГид", 2016

Содержание

23 мая 2013, четверг	7
22 мая 2013, среда	17
21 мая 2013, вторник	25
20 мая 2013, понедельник	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виктория Ледерман

Календарь ма(й)я

© Ледерман В. В., текст, 2016

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2016

* * *

Краснодарский край, пос. Дружный

23 мая 2013, четверг

Историчка Клара Борисовна хотела бы стать укротительницей тигров. Прямо сейчас, немедленно! Тогда у нее в руках были бы хлыст и железный прут. Хлыст оглушительно щелкал бы для устрашения, а железным прутом она согнала бы наконец всех в одну кучу и пересчитала. Не свирепых хищников, нет. Свой шестой «А», обезумевший от ощущения свободы и наступающих летних каникул. Восемь мальчиков и двенадцать девочек... Как всегда, вместе они не желали ни развлекаться, ни просвещаться. Напрасно она связалась с этой экскурсией.

– Не хватает еще пятерых, – подвела итог Клара Борисовна. – Где у нас Семак и Загоркин, интересно знать? Я же их видела десять минут назад.

– Семак в лужу свалился! – жизнерадостно сообщили ей. Клара Борисовна недоверчиво поинтересовалась, где он ее нашел, ведь с начала мая не упало ни капли дождя. Со всех сторон посыпались остроумные комментарии по поводу грязи и находчивой свиньи.

– Ну а Загоркин-то где? – потеряла терпение классная руководительница.

– А он Семака выжимает! – выкрикнули из толпы.

Шестой «А» дружно заготовил. Это было единственное, что они хорошо делали вместе. Клара Борисовна в изнеможении подняла глаза к небу, как заклинание повторила про себя, что в последний раз везет их куда-то, и принялась руководить посадкой в микроавтобус. Мало того что шестой «А» не видел ее в упор и не слышал, так еще и экскурсионное бюро подвело. Вместо полноценного автобуса прислали небольшой форд на шестнадцать мест.

Девчонок постройнее пришлось упихать по три на два места, несмотря на их возмущенные вопли. Пока рассаживались, появились Семак и Загоркин в мокрых майках. Клара Борисовна стиснула зубы и промолчала, указав им на переднее сиденье.

– Ну что, молодежь, поехали? – крикнул в салон водитель, добродушный полный дядечка лет сорока.

– Нет, нет! – запротестовала классная руководительница. – У нас троих нет... А, вот еще один! Елизаров! Особого приглашения ждешь? Поживей!

Невысокий лохматый паренек с ободранной щекой поднялся в автобус и хмуро осмотрелся в поисках места.

– Глеб, садись вон туда, к Жене Мухину, – велела Клара Борисовна.

– Еще чего! – нахально отозвался Мухин, который один восседал на двухместном сиденье. – Я не хочу с ним сидеть! Я лучше вообще не поеду.

– Мухин! – повысила голос Клара Борисовна. – «Хочу» и «не хочу» будет дома у мамы. Елизаров, кому я сказала?

Глеб Елизаров нехотя побрел к свободному месту.

– Вали отсюда, – зашипел на него Мухин и выставил ногу, преграждая путь. – Мало вчера получил? Еще хочешь?

– Это кто еще получил! – не остался в долгу Елизаров. – Кто мусорный бак черепушкой протаранил? Зря, бак – вещь полезная. В отличие от твоей башки.

– Не, я не понял! – уже громко возмутился Мухин. – Ты чего такой борзый? Приезжает тут всякий сброд и еще наглеет!

– А я не мечтал учиться в вашем чокнутом классе! – огрызнулся Елизаров. – Можешь успокоиться, скоро меня в вашей дыре не будет!

В автобусе поднялся возмущенный шум: замечательный поселок Дружный – не дыра! Мухин демонстративно переместился на переднее сиденье к Семаку и Загоркину, а Елизаров плюхнулся на его место и отвернулся к окну.

Тем временем к автобусу приближался полный мальчик в сопровождении бабушки. Это был Юра Карасев, единственный в классе отличник. Бабушкину голову покрывал черный пла-ток: Юрин дед умер две недели назад. С тех пор учителя жаловались, что не узнают Карасева: он махнул рукой на школу, потерял интерес ко всему. Вот и сейчас Юра с безучастным видом, тяжело пытая, по крутым ступенькам поднимался в автобус.

– Акробат! – восхитился Мухин. – Воздушный гимнаст Юрась ибн Карась!

– Винни-Пух доставлен, – подхватили Загоркин и Семак. – Конвой свободен. Юрасик, отпусти охрану. Бабуся, домой!

Юрасик молча проследовал мимо них к единственному свободному месту рядом с Елизаровым. Тот недовольно обернулся, исподлобья глянул, как Карасев стягивает со спины яркий рюкзачок, и снова уставился в окно.

– Ну, долго еще? Когда поедем? Жарко, с нашей стороны солнце! – нетерпеливо заныли девчонки.

– Ждем Зюзину! – объявила Клара Борисовна.

Девчонки, забыв про жару, презрительно зафыркали.

– Чего ее ждать!

– Пусть с выводком своим возится!

– Да вон, несется... наша дылда, – с пренебрежением бросила Дорошевич. – Ходулями загребают. Интересно, с кем она сядет?

– Не со мной, не со мной! – наперебой закричали девчонки. – Пусть с Громовой и сидит, как за партой!

– Ну вот еще!!! – перекикивая всех, завопила Громова. – От нее половой тряпкой воняет!

Лена Зюзина, высокая и нескладная, влетела в автобус, успев расслышать последнюю фразу. Замерла возле кресла Громовой, запыхавшись от быстрого бега. Посмотрела на нее в упор:

– Лучше тряпкой, чем сигаретами.

– К-какими сигаретами? – икнув от неожиданности, пролепетала Громова.

– Которые ты куришь за школой вместе с Текаевой, – безжалостно припечатала Зюзина.

– Ты чего орешь? – испуганно вытаращив глаза, зашептала Текаева. – С ума сошла?

Она метнула быстрый взгляд в сторону Клары Борисовны, занятой разговором с водителем. Курение в школе № 13 грозило страшной расправой.

– Зюзина, садись к кому-нибудь третьей! – крикнула учительница. Лена оглянулась и обвела взглядом враждебные лица.

– Некуда, – громко сказала она. – Можно я не поеду? Мне на работу надо.

Клара Борисовна уже набрала воздуха в грудь, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, но тут Юра Карасев неожиданно предложил:

– Садись с нами.

– А ничего, что ты один занимаешь полтора места? – тут же возмутился Глеб Елизаров. – Куда нам еще и Зюзину?

Юрасик молча подвинулся как смог, притеснив его окну, и Лена осторожно опустилась на край сиденья.

– Порядок, – громогласно высказался Мухин, показывая на них троих, – все дефективные в сборе. Можно ехать.

Водитель с добродушной улыбкой обернулся в салон:

– Эй, молодежь, что такие скучные? А ну-ка все вместе походную песню за-пе-вай!

– Ага, сейчас, разбежались, – ответили ему из салона.

– Вот, видели? – вздохнула Клара Борисовна. – Я с ними каждый день как на войне.

– Жалко их, – водитель уселся поудобнее и взялся за руль. – Растерянные они какие-то. Опрокинутые. Не знают, что им нужно.

Автобус медленно развернулся и вырулил со школьного двора.

– Злые они, а не растерянные, – в сердцах произнесла Клара Борисовна. – Жестокие и бессердечные эгоисты. И не только мой класс, а все поколение. Разве двадцать лет назад было такое, чтобы ученики залезли в учительскую – исправить оценки в классном журнале? А в понедельник у нас был звонок о заложенной бомбе...

– Чтобы контрольную сорвать? – предположил водитель.

– Чтобы снять на телефон панику. И разместить видео в интернете.

– Но это же дети... Можно найти что-то хорошее, что им интересно...

– Ничего не интересно, уверяю вас! Ни-че-го! В музей сейчас едут из-под палки, и только потому, что я обещала снизить оценку в четверти всем, кого не увижу в автобусе. А едем не куда-нибудь – в Анапу, в «Горгиппию»! Пещеры, раскопки – это же всегда завораживало! Я просто не знаю... Ничего их не волнует, ни прошлое ни будущее.

Клара Борисовна бессильно умолкла. Водитель тоже молчал, что-то обдумывая. Перед развилкой автобус вдруг затормозил и встал на обочине.

– Знаете что? Предлагаю заехать в одно место. Это недалеко, – сказал водитель. – Я уверен, ребятам понравится.

– Вообще-то нас ждут в «Горгиппии», – озадаченно произнесла историчка. – А что за место?

– Вы не слышали? За дачным массивом, возле лесопосадки, откопали фрагмент древней стены, – оживленно заговорил водитель. – Вроде бы второй век до нашей эры. Официально разрешение на раскопки уже получено, но организовать все как следует обещают не раньше июля. И вот мой приятель-энтузиаст, археолог, собрал группу волонтеров. Поставили палатки, живут там и копают.

– Да кто же туда пустит целый класс? Тем более такой!

– Не беспокойтесь, пустят. Я договорюсь. Мой приятель – вот такой мужик, – водитель показал большой палец. – Он справится с вашим классом.

– Ну не знаю, – в сомнении проговорила Клара Борисовна.

– Да, забыл сказать, на раскоп приезжали эксперты. Пока это только смелое предположение, но на стене обнаружили надписи, очень похожие на раннюю письменность племени майя, – добавил водитель.

– Да бросьте! – воскликнула историчка. – Быть такого не может. Майя? Здесь? Они на этой территории никогда не проживали.

– Это пока предположение, – повторил водитель, выделив слово «пока». – Приятель говорит, что о происхождении майя практически ничего не известно. Вдруг как раз здесь следы их зарождения? Я-то во всем этом не разбираюсь. Но вы историк, вы же должны знать, что прошлое подкидывает сюрпризы покруче, чем будущее. Ну так как?

– Я бы с удовольствием посмотрела, – заколебалась Клара Борисовна. – Но класс... А кстати, почему мы стоим?

– Потому что вы еще не сказали, куда поворачивать. Если в музей, то налево, а если на раскоп – направо, – пояснил водитель.

– Давайте направо, – решила Клара Борисовна.

– И это настоящие раскопки? – разочарованно присвистнул Загоркин. – Следы майя? Обыкновенная квадратная яма.

– У меня на даче бассейн копали, – сказал Мухин. – Такую же яму рыли. Только глубже.

– Эта яма называется раскоп, – пояснил бородатый археолог, который согласился показать ребятам место сенсационной находки. – Углы раскопа обязательно должны быть прямыми,

поэтому яма квадратная. И копается она совершенно не так, как твой бассейн, парень. Сначала осторожно лопатами снимается верхний слой – дерн. Потом убирается мусор, поверхность выравнивается, затем снимается следующий слой. И так несколько раз. Бывает, что копать приходится не только лопатой, но и ножом. А иногда и медицинским скальпелем. Представляете себе, что это за труд?

– Фу, скукотища, – громко зевнула Дорошевич, прочно увязнув модными каблуками в песчаной почве. – Еще хуже, чем сажать картошку на даче.

– Кристина! – одернула ее Клара Борисовна. – Прекрати.

Шестой «А» сгрудился на краю раскопа, посреди огромного пустыря. За спинами учеников, метрах в ста, находилась лесопосадка, где пестрели палатки археологов. Время было обеденное, и шестиклассники не увидели ни одной живой души: группа отдыхала.

– Ребята, вы тайны любите? – спросил бородач, лишь мимоходом улыбнувшись на реплику Дорошевич. Шестой «А» нестройным хором утвердительно загудел.

– А вот задумайтесь – когда вы приступаете к раскопкам, вы стоите на пороге тайны, – продолжал археолог. – Эта тайна хранилась глубоко, под толщей земли, много веков, а вы ее освобождаете, сантиметр за сантиметром. Как будто на машине времени путешествуете в прошлое...

– Путешествовать лучше в будущее! – не удержался Загоркин. – Чего в прошлом-то интересного? Там вон одни черепушки и кости. – Он кивнул на раскоп.

Шестой «А» с готовностью захихикал. Бородач посмотрел на них и серьезно сказал:

– Кто не интересуется прошлым, у того нет будущего.

Это высказывание вызвало у ребят новый поток умозаключений. Клара Борисовна тщетно пыталась остановить то одного, то другого...

Лишь три человека, стоящие позади, не участвовали в душевной беседе с археологом. Глеб держался особняком, всем своим видом демонстрируя, что ему глубоко плевать на происходящее. Лена с интересом слушала и смотрела, но в разговор не вступала, а Юрасик вообще был где-то далеко. Он безучастно жевал пирожок, тупо глядя перед собой. Когда исчез последний кусок, Юрасик снова полез в рюкзак. Поймав Ленин голодный взгляд, он вытащил большой румяный пирожок и протянул ей:

– Хочешь? Бери, у меня много.

Лена на мгновение заколебалась, но потом решительно помотала головой. Юрасик обратился к стоящему рядом Глебу:

– А ты будешь? Бабушка пекла.

– Знаешь что, толстопуз, ты бы поменьше лопал бабушкиных пирожков, – зло ответил Глеб. – Нам целый день с тобой на одном сиденье кататься. Тебя сейчас так раздует, что я стекло выдавлю, а Зюзина в проход слетит.

Юрасик молча отошел в сторону и продолжил жевать.

– Елизаров! – горячо возмутилась Лена. – Тебе никто не говорил, что подло высмеивать физические недостатки, в которых человек не виноват?

– Зюзина, чего ты твякаешь? – огрызнулся Глеб. – Ты вон длинная как жердь, может, в этом ты и не виновата. А толстое пузо Карасева – результат бабушкиных пирожков. Так что заткнись и не лезь, куда не просят.

– Ты дикий, Елизаров, тебе вообще не место среди людей!

– А где ты здесь видишь людей?

Лена оскорбленно замолчала и отступила от Глеба на два шага. Между тем бородач-археолог разрешил ребятам спуститься в яму, и они один за другим прыгнули вниз. Наверху остались Дорошевич и еще пара красавиц на шпильках. Осторожно ступая по бурому грунту, шестиклассники гурьбой приблизились к торчащему из земли каменному обломку высотой в метр. На серой шероховатой поверхности камня проступали непонятные знаки,

похожие на неумелые детские рисунки. Семак хотел было оседлать артефакт и уже закинул ногу, но археолог схватил шустрого парня за шкуру. Он сказал, что этой стене, возможно, три тысячи лет и к такой древности нужно относиться с уважением.

– Только представьте себе, – продолжал археолог, – этот фрагмент стены когда-то был древним храмом, дворцом или пирамидой. Может быть, здесь была городская площадь. Кипела жизнь, ходили люди, звучал смех... Очень-очень давно руки человека высекали на камне эту самую надпись. Завораживает, правда? Такие находки – как мостик в другой мир.

– Почему меня должны завораживать дурацкие рисунки какого-то глупого неандертальца? – громко поинтересовался Мухин.

– Племена майя были очень умными, – сказал Юрасик вполголоса, но все услышали и повернулись к нему. – Например, они создали солнечный календарь, а движение Венеры вычислили с ошибкой всего четырнадцать секунд в год! И это без современных приборов и технологий.

– Откуда ты все знаешь, круглый? – насмешливо спросил Овчаренко.

– У меня дед – профессор археологии... был, – проговорил Юрасик, опуская голову. – Он изучал древние цивилизации.

– А что, это и правда майя? – с интересом спросила Лена, показывая на стену. – Ну, те самые, которые предсказали конец света?

– Пока не знаем, – честно ответил археолог. – Но сходство определенно есть.

– Майя не предсказывали конец света, – снова сказал Юрасик.

– Как это не предсказывали? А чего мы тогда ждали зимой? – возмутился Загоркин.

– Вадик больше всех ждал, – хохотнул Семак, – тоннель под домом рыл, сгущенку туда таскал. Готовился.

– Дед объяснял мне, что календарь майя поделен на циклы, и эта дата означала просто конец одного цикла и начало другого, – объяснил Юрасик.

– Обычный камень, ничего особенного, – фыркнул стоящий рядом Глеб. – А нарисовать такие значки и я бы сумел.

Он наклонился и поскреб ногтем один из символов.

– Это не нарисовано, а выдолблено, – подал голос Юрасик. – Древние скульпторы наносили иероглифы очень твердыми каменными резцами.

– Слушай, Карасев, уймись, – оборвал его Глеб. – Ты уже достал своими лекциями. Нарисовано, выдолблено. Вот этим я что угодно могу процарапать, понятно?

Он достал из кармана ключи от дома и продемонстрировал блестящий металлический брелок в виде танка.

– С детством никак не простишься? В войну играешь? – подколола его Лена.

– Зюзина, ты тупая? Это же «Тигр» из «World of Tanks»!

– Чего?!

Глеб махнул на нее рукой и отвернулся.

– Танк называется «Тигр». Он из компьютерной игры «World of Tanks», – объяснил Юрасик.

– Я и говорю – в детстве застрял, – сказала Лена.

В это время Клара Борисовна позвала всех в автобус, и шестиклассники наперегонки бросились к самому низкому краю раскопа, где было удобнее выбираться наверх. Водитель и археолог вылезли первыми и по одной вытаскивали девчонок, которые не могли поднять ноги из-за узких коротких юбок. Мальчишки выбрались сами и сверху комментировали процесс. Лена и Юрасик двинулись вслед за всеми, а Глеб, воровато оглянувшись, нагнулся над древней стеной. Лена обернулась на ходу и неожиданно вскрикнула:

– Что ты делаешь?! Елизаров, ты ненормальный?!

Глеб, не обращая на нее внимания, присел на корточки. Лена резко повернула назад. Юрасик остановился, не понимая, на что так бурно отреагировала Зюзина. Он подошел ближе – и прирос к месту рядом с оторопевшей Леной.

На фрагменте древней стены возле заключительного иероглифа красовалась кривая угловатая надпись: «23.05.2013». Глеб, орудуя острым краем своего брелока, старательно выцарапывал последнюю цифру.

– Ну вот, – сказал он, поднимаясь и отряхивая колени, – теперь я тоже скульптор. Я оставил послание потомкам.

Юрасик и Лена обескураженно переглянулись.

– Чего застыли? Я же не картину в музее изрисовал, – хмыкнул Глеб. – Расслабьтесь, это просто камень! Если его мог царапать древний индеец, то почему не могу я?

– Это же... это... – потрясенно проговорил Юрасик и умолк, не находя слов.

– Это связь времен, – продолжал глумиться Глеб. – Видите – древние иероглифы и современная дата рядом, это же мостик между двумя мирами.

– Елизаров, ты придурок и варвар! – воскликнула Лена.

– Карасев, Елизаров, Зюзина! Быстро в автобус! – долетел до них зычный крик Клары Борисовны.

– Ну что, Карась! – сказал Глеб, пряча ключи в карман. – Рванем наперегонки? Кто последний, тот дурак.

Глеб сорвался с места и ловко выскочил из ямы. Юрасик и Лена, проводив его взглядом, тоже двинулись к автобусу.

Глеб

Пельмени всплыли, раздулись и перестали помещаться в кастрюле. Переложить бы их, но кастрюля побольше неделю уже стояла с остатками борща. Другой подходящей посуды на съемной квартире не было. Глеб плюнул с досады: зря высыпал всю пачку пельменей сразу! Но после экскурсии он проголодался. Да и отец вот-вот вернется со службы. Они поужинают, а потом, может, пойдут в кино. Должны же они куда-нибудь сходить вместе! Хоть раз за эти два месяца...

Отец появился лишь около восьми. Услышав звук открывающейся двери, Глеб радостно поскакал в коридор.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – гаркнул он, схватил с головы отца фуражку, водрузил на свою голову и отдал честь. Тот улыбнулся, щелкнул сына по носу и отправился в ванную мыть руки. Глеб хвостиком последовал за ним.

– Я уже пельмени сварил, час назад! И не ем, тебя жду. А ты все не идешь. Хоть бы позвонил. А знаешь, мы сегодня были на раскопках, нам рассказывали о цивилизации майя. Представляешь, они не предсказывали конец света! Пап, а пойдем сегодня в кино?

Отец задумчиво потрепал его по голове, вышел из ванной и стал переодеваться в гражданскую одежду. Глеб заподозрил неладное:

– Пап, ты зачем одеваешься? Мы же ужинать будем.

– Да нет, – сказал отец, очнувшись от своих мыслей, – я не буду. Поешь сам.

– Ну папа! – возмущенно завопил Глеб. – Я что, опять один должен сидеть? Я вчера один сидел, и позавчера, и неделю назад! То ты работаешь, то ты дежуришь, то ты просто уходишь вечером!

– Прекрати орать, – поморщился отец. – Ты ведь не малое дитя, чтоб с тобой нянчиться. В тринадцать лет можно уже и одному посидеть.

– А что мне делать в этой дыре? – не унимался Глеб. – Телевизор в ремонте, компьютера нет, свой планшет ты не даешь. Пазл и тот уже собрал.

– Ну, походи погуляй с друзьями, – предложил отец, оглядывая себя в большое зеркало в прихожей.

– Да откуда взяться друзьям, если мы все время переезжаем?! – взорвался Глеб. – Прихожу в класс посреди года, и никто меня и знать не хочет!

– Глеб, я не собираюсь обсуждать это в пятисотый раз! – в голосе отца появились металлические нотки. – Я человек военный, мне приказали, я поехал. А ты как несовершеннолетний должен следовать за мной. И начальству параллельно, может сын капитана Елизарова найти друзей на новом месте или не может. Я тоже постоянно среди чужих людей. Привыкай, знайся.

– А зачем? Зачем мне привыкать, если мы через месяц отсюда уедем? – с горечью проговорил Глеб.

Отец не ответил. Он обеими руками пригладил свои короткие волосы, взял флакон туалетной воды и пару раз брызнул на шею. Глеб мрачно наблюдал за ним, скрестив руки на груди.

– Ну все, я пошел. Вернусь поздно. Отбой в двадцать три ноль-ноль. Вопросы есть? – не дожидаясь ответной реплики, отец открыл входную дверь.

– Сдай меня лучше в детдом! – вслед ему бросил Глеб. – Что так, что эдак – все равно без семьи.

Отец замер на пороге, и когда обернулся, его глаза были холодными и колючими. Он наклонился к сыну и с плохо скрытой яростью произнес:

– А ты не знаешь, кто в этом виноват? Кто все уничтожил своими собственными руками?

Отец резко выпрямился и вышел из квартиры. Глеб саданул дверью так, что гул пошел по всему подъезду. Потом вернулся в комнату и ногой перевернул стол, на котором собирал большой пазл. Пестрые картонные кусочки посыпались на пол, как разноцветное праздничное конфетти.

Юрасик

Дед улыбался широко и открыто. Юрасик смотрел в экран монитора, на это лицо, родное до боли, и не мог оторваться от фотографии. Как привыкнуть к мысли, что в квартире больше не раздастся жужжание дедовой электробритвы, не донесется сквозь сон аромат только что сваренного кофе? Как быть с их ночными посиделками, когда дед с огромным рюкзаком вваливался в коридор после очередной длительной экспедиции и до утра рассказывал внуку о далеких странах и древних цивилизациях? Как обойтись без дружеских шахматных турниров, без веселых игр, без поездок к морю и ночевки в палатке на диких пляжах?..

– Юрасик, – позвала бабушка, заглядывая в комнату. – Папа с мамой пришли. Пойдем ужинать.

– Нет, бабуль, – отозвался он, поспешно убирая с монитора фотографию деда. – Я здесь поем. Принеси, пожалуйста, сюда.

Бабушка подошла к нему и заглянула в экран. Там белел вордовский лист с мелким текстом.

– Реферат по географии пишу, на завтра, – зачем-то пояснил Юрасик. Бабушка вздохнула:

– Знаю я, какой реферат ты пишешь. Опять фотографии смотрел. Ну что ты себя изводишь?

– Дед умер из-за меня, – едва слышно прошептал Юрасик. Бабушка ахнула от неожиданности:

– Да ты что?! Что ты придумываешь?!

– Если бы я был дома в тот момент, я бы ему помог! Я вызвал бы скорую, и его бы спасли! А меня не было, потому что я ушел на этот дурацкий турнир!

– Юра! Перестань! Откуда ты мог знать?

– Я должен был уйти в шесть, а турнир перенесли, и я ушел раньше... Бабуль! Дед умирал один в квартире, а я в это время играл в шахматы!

– Но ведь и меня не было дома. И папы с мамой. Значит, мы тоже виноваты, что в это время были на даче. Почему ты берешь вину на себя? Если бы знать, что и когда случится...

– Я больше не буду играть в шахматы, – глухо сказал Юрасик.

– Не будешь играть в шахматы, не будешь ужинать с нами. Что еще не будешь делать? – спросила бабушка и погладила его по жестким волосам. – Ты бы выключил компьютер, дружок... Сходил бы в парк, в кино с друзьями...

– Нет у меня друзей, ты же знаешь, – отозвался Юрасик.

– А ты подружись. Нельзя все время одному быть.

– Никто не хочет со мной дружить. Я толстый.

– Юра! Во-первых, не толстый, а полный. Во-вторых, и я полная, и папа твой тоже полный. Но у меня очень много приятельниц, а папа – тот вообще душа компании. Так что дело не в фигуре, а в характере. Может быть, ты сам сторонись одноклассников?

– Бабуль! Я даже списывать им даю, подсказываю на уроке. Они списывают, а дружить не хотят. И обзывают меня по-всякому. А еще у нас в классе есть очень высокая девочка, ну та, из многодетной семьи, у которой папа в тюрьме. Так вот, с ней тоже не хотят дружить. И дразнят ее.

Бабушка вздохнула, погладила внука по голове и вышла из комнаты.

– Не понимаешь... – прошептал Юрасик, когда за ней закрылась дверь. – А вот дед меня всегда понимал.

И он снова развернул фото деда на весь экран.

Лена

В квартире чем-то подозрительно пахло. Словно что-то сожгли, но уже успели проветрить. Лена бросила у порога ведро с тряпкой и, споткнувшись об него же, помчалась на кухню, встревоженно крича:

– Эй, мелкота! Что у вас сгорело?!

Навстречу ей выскочил шестилетний Вова:

– Лена! Ты вернулась? Как все прошло?

Он каждый вечер спрашивал, как все прошло. Как будто мытье подъездов в соседнем доме могло пройти как-то иначе, чем в предыдущий раз...

Стол, пол и плита в кухне были усеяны мелкими сахарными песчинками.

– Вы что, съели весь сахар? – всплеснула руками Лена. – Как вообще можно было съесть килограмм сахара?

– Да не съели мы, – признался старший, одиннадцатилетний Андрейка. – Просто просыпали.

– Ага, а потом собрали и стали варить, чтоб не выкидывать, – добавил Вова, отойдя от сестры на безопасное расстояние. – Ведь если сварить, все микробы погибнут.

– Только они не уследили, и все сгорело, – закончил первоклассник Саша.

Лена оглядела заляпанную кухню, тяжело вздохнула и направилась в комнату к младшей Анютке: из-за ветрянки она не пошла сегодня в детский сад.

Больная весело скакала по маминой скомканной постели. Радостная мордаха в зеленых пятнышках блестела от чего-то сладкого и липкого, из плотно зажатого кулачка стекал на постельное белье какой-то сок. Повсюду валялись банановая и мандариновая кожура, яркие

конфетные фантики и скорлупа грецких орехов. На пододеяльнике виднелись безобразные зеленые пятна.

– Две мясных котлеты гриль, специальный соус, сыр... Вот что я люблю!

– Анютка! Что это такое? – воскликнула обомлевшая Лена. Два часа назад, когда она ухаживала за мытьем подъездов, дома было чисто, тихо и спокойно. – Андрейка! Зачем вы брали зеленку?

– Вон ее мазать! – брат кивнул на прыгающую девчонку.

– Ее не надо мазать! Я ее мазала утром.

– Она сказала, что у нее все чешется и надо помазать снова!

– Дорогой порошок! У бактерий больше нет шансов! – выкрикивала Анютка.

– Кстати, – опомнилась Лена. – Откуда все это? Фрукты, орехи, конфеты?

– Ты же нам не покупаешь ничего, – насупившись, пробубнил Саша. – А нам нужны витамины. И эта, как ее... глюкоза.

– Я им говорил, – поспешил сказать Андрейка. – А они все равно ели.

– Я спрашиваю, кто это все принес? – ледяным тоном проговорила Лена. – Анюта, кто тебе дал мандарины и конфеты?

– Баба Липа! – объявила сестренка. – Баба Липа дала. Она с нами целый день играла, пока тебя не было. А потом еще раз пришла и принесла вкусняку!

– Так я и знала! – вскричала Лена. Братьев как ветром сдуло.

– Сколько раз вам говорить, мы не нищие! Нам подачки не нужны! Мы с мамой работаем и сами все покупаем! – бушевала Лена. – Мы ничего не будем брать у чужих людей!

– Баба Липа не чужая! – закричала Анютка. – Она моя бабушка!

– Она тебе не бабушка, она чужая тетя! Ее нельзя сюда пускать! Поняла?!

– Не поняла! Не поняла! Она – бабушка!

Лена поймала сестру и потащила ее в ванную умываться. Потом отварила макароны, собрала всех на грязной кухне и посадила ужинать. Убраться она решила после еды.

– Андрей, тебе завтра к какому уроку? – спросила Лена, глядя, как дети стучат вилками по тарелкам. – Может, совсем не пойдешь, посидишь с Анюткой? У меня тест по английскому и по географии спорная оценка. Никак нельзя пропустить.

– Ты что, забыла?! – воскликнул Андрейка. – Мы завтра не учимся, у нас праздник.

– Какой праздник?

– «Прощай, начальная школа!»

– Точно. И правда забыла. – Лена устало потерла лоб. – А во сколько?

– Ну ты даешь! – возмутился Андрейка. – Только вчера говорил. Начало в десять. А ты что, не придешь на праздник?

– Ну как я приду? С кем я Анютку оставляю?

– А мама?

– Мама приедет послезавтра. Сегодня она еще у папы, а завтра сядет в поезд и приедет.

– Почему она поехала к папе именно тогда, когда у меня выпуск? – надулся Андрейка.

– Когда дали свидание, тогда и поехала, – сказала Лена. – Ты лучше проверь, чистая ли у тебя белая рубашка. А то пойдешь в грязной, как поросенок.

– А я брюки порвал! Чуть-чуть, – подал голос первоклассник Саша. – Когда с дерева слезал.

– Зачем ты на него вообще залезал? – спросила Лена. – Какие брюки, школьные?

– А нас воспитательница спросила, у кого родители могут красиво нарисовать большой плакат до завтра? Я и поднял руку! – возбужденно заговорил Вова. – Мне дали большой лист и краски. Круто! Сейчас будем рисовать.

– А теперь банановый! – выкрикнула Анютка, опрокинув бокал с киселем на обеденный стол, и принялась возить по кисельной луже пальцем.

Лена бессильно опустила руки. Стало понятно, что поспать ей сегодня не удастся.

22 мая 2013, среда

Кабинет географии был заперт на ключ. Возле двери маячили Юрасик и Лена. Глеб бросил сумку на подоконник и отвернулся к окну, чтобы не разговаривать с ними. Отец вчера не вернулся домой, утром его постель осталась нетронута... Глеб подозревал, что скоро будет сидеть один целыми сутками.

– Почему-то никого нет, – подал голос Юрасик. Глеб оглянулся. По длинному коридору носились школьники, но среди них не было никого из шестого «А», и кабинет по-прежнему оставался закрытым.

– Придут, куда денутся, – буркнул Глеб, садясь на подоконник. – Еще десять минут.

Юрасик озадаченно смотрел на него.

– Чего уставился? – спросил тот.

– А где?.. – Юрасик покрутил рукой перед своим лицом.

– Чего «где»?

– У тебя вчера была болячка, через всю щеку.

– И что?

– Теперь ее нет.

Глеб потрогал щеку. На ощупь кожа была гладкая, без бугорков запекшейся крови, и совершенно не болела. Он достал телефон, сфотографировал лицо и удивленно принялся разглядывать снимок.

– Вы почему здесь? – крикнули Дорошевич и Громова, несясь мимо них по коридору.

– А вы-то куда?! – заорал им вслед Глеб.

– На контрольную!

Лена и Юрасик переглянулись в недоумении.

– По алгебре, что ли? Мы же ее позавчера написали! – пробормотал Юрасик. – Может, они двойки получили, бегут переписывать...

– Дорошевич и Громова? – скептически заметила Лена. – Они же хорошистки.

– Да эти две тронутые меня вообще не интересуют, – отрезал Глеб.

– Надо сходить на алгебру, – предложил Юрасик и полез в рюкзак за расписанием.

– Что туда ходить, если у тебя вот здесь четко написано – география! – Глеб раздраженно потыкал пальцем в его дневник. Юрасик не успел возразить. По коридору к ним спешила Клара Борисовна, истошно крича:

– Вот они где! Елизаров, Карасев, Зюзина! Хотите мне годовую контрольную сорвать? Быстро в кабинет! – И она погнала оторопевших учеников на третий этаж.

В кабинете алгебры сидел весь класс. Перед каждым учеником на парте лежали белые тетрадные листочки с печатями и брошюры с заданиями. Математичка писала на доске образец заполнения титульного листа для годовой контрольной.

Глеб, Юрасик и Лена в состоянии шока разошлись по местам. Глеб плюхнулся на стул и тупо уставился на свою соседку, Соню Ткачук, которая сосредоточенно выводила на листе ровные строчки.

– Слушай, Ткачук, что происходит?

– А что такого происходит? – Ткачук подняла на Глеба непонимающие глаза.

– Почему мы снова пишем эту контрольную?

– Елизаров, ты рехнулся? Заткнись и не мешай.

Соня Ткачук вновь склонилась над контрольной. Глеб оглядел класс и встретился глазами с ошеломленной Леной, сидящей в первом ряду возле окна. Потом они оба посмотрели на обернувшегося Юрасика. Вид у него был обескураженный.

– Так, – негромко пробормотал Глеб. – Нормальных только трое. Остальные чокнулись. Массовое помешательство, не иначе.

– Елизаров! Думаешь, у тебя слишком много времени? – строго спросила математичка. Глеб достал ручку, пододвинул к себе чистый листок с печатью и во второй раз принялся решать те же самые примеры.

– Ну и что это было? – спросил Глеб у Юрасика и Лены, когда они остались втроем в кабинете алгебры.

– Может, розыгрыш? – предположил Юрасик.

– Да? И кто кого разыгрывает? – поинтересовалась Лена. – Наш класс – нас?

– Я всегда говорил, что ваш класс – сборище дураков.

– Знаешь что, Елизаров, сам ты...

Прозвенел звонок, и в класс ворвалась галдящая толпа семиклассников. Троица поспешила на следующий урок – в кабинет русского языка и литературы.

– Елизаров, ты чего русский-то достал? – Ткачук повертела пальцем у виска, открыла учебник литературы и принялась что-то повторять. Учебник у нее был открыт на стихотворении Рубцова – том самом, которое весь класс уже ответил.

– Ткачук! – не выдержал Глеб. – Неужели ты и правда ничего не помнишь?

– Чего не помню?

– Как ты отвечала этот стих, как запнулась на строке «Она горит над золотом осенним», как Овчаренко тебе подсказывал? Ты же четверку получила!

– Ты обкурился, Елизаров?! Когда я отвечала?

– На литературе! В среду!

Соня взглянула на него с жалостью:

– Сегодня и есть среда!

Глеб хотел сказать ей, что она отстала от жизни и сегодня уже пятница, но тут всеобщее внимание привлекла Лена, которую вызвали к доске. Она встала и заявила, что не понимает, с чего это вдруг они сегодня учатся по расписанию среды. Класс оживился, оторвался от учебников и приготовился смотреть бесплатное шоу. Учитель Сергей Сергеевич удивленно взглянул на Лену:

– Ну, видимо, потому, что сегодня среда.

– Сегодня пятница! – уверенно заявила Лена. – Среда была два дня назад, и в среду я уже получила за этот стих тройку.

Класс откровенно захохотал.

– Зюзина, ты думаешь, это смешно? – спросил учитель.

– Это абсолютно не смешно! – горячо воскликнула Лена. – Это очень странно, что вы не помните последние два дня!

Сергей Сергеевич протер очки и внимательно посмотрел на Зюзину. Потом взял журнал и подошел к ней:

– Вот видишь выделенный столбик? Здесь должны быть ваши оценки за стихотворение «Звезда полей». Ты видишь, что он пустой?

Лена нехотя кивнула.

– А какая дата над этим столбиком? Читай вслух.

– Двадцать второе мая, – прочитала Лена. – Но ведь это невозможно! Двадцать второе уже было. Сегодня двадцать четвертое мая!

– Ну-ну... Кто еще думает, что сегодня двадцать четвертое? – повысил голос Сергей Сергеевич, стараясь перекрыть поднявшийся в классе гвалт.

Шум постепенно стих. Все переглядывались и хихикали. Лена смотрела то на Юрасика, то на Глеба, ожидая от них поддержки, но те молчали, опустив глаза.

В этот момент в кабинет заглянула Клара Борисовна и попросила разрешения сделать объявление.

– Напоминаю о завтрашней экскурсии! – сказала она. – После второго урока все идут по домам, обедают, переодеваются и ровно в одиннадцать тридцать приходят сюда, к школе. С собой иметь бутылочки с водой и бутерброды. Едут все до единого, даже больные и умирающие! В автобусе и в музее ведем себя прилично, Мухин и Загоркин! И остальные тоже. Меня все услышали?

Клара Борисовна вышла. Шестой «А» вновь загудел растревоженным ульем, обсуждая будущую поездку. И только трое учеников впали в одинаковый ступор и еще долго сидели с открытыми ртами.

После пятого урока хмурые Глеб, Юрасик и Лена вместе вышли во двор, обогнули здание школы и не сговариваясь направились к школьному стадиону. Усевшись на ступеньках горбатой спортивной лестницы, долго молчали.

– Ну что, – первым заговорил Глеб, – какие будут идеи? Кто-нибудь что-нибудь понимает?

– Понятно только одно – что мы каким-то образом перепрыгнули обратно в среду, – отозвался Юрасик и потер лоб.

– Ерунда какая-то! – воскликнула Лена. – Раз вчера был четверг, значит, сегодня пятница.

– Тогда куда делась моя болячка? – Глеб повернулся к Лене левой щекой. – Когда я ложился спать, она была.

– Да откуда я знаю? – отмахнулась та. – При чем тут твоя болячка?

– А при том! Если сегодня среда, то щеку мне Мухин поранит только вечером, поэтому болячки еще нет. Это все объясняет, – сказал Глеб.

– Нет, это сон... – простонала Лена. – Кошмарный сон.

– Да, только он почему-то снится всем троим сразу, – съязвил Глеб.

– Откуда я знаю, может, это только мой сон? А вы оба мне снитесь. Я скоро проснусь, и снова все будет в порядке.

– Слушай, Зюзина, я вот сейчас звездану сумкой по твоей глупой башке и посмотрю, как ты проснешься!

– Да ладно вам, – примирительно сказал Юрасик. – А вот интересно – какой день будет завтра?

Глеб с Леной обескураженно замолчали. Об этом никто еще не задумывался.

– Я видел фильм, – продолжил Юрасик, – про парня, который застрял в одном дне на несколько лет. Там у них праздник был американский, День сурка. Каждое утро этот день начинался снова, как в замкнутом круге, и парень ничего не мог поделать. И у него постоянно был День сурка.

– Какой ужас! – воскликнула Лена.

– Будем надеяться, это не наш случай, – сказал Глеб. – Не хотелось бы застрять здесь, в двадцать втором мая, когда до конца учебного года всего три дня.

– А как он оттуда выбрался, ну, тот парень в кино? – спросила Лена у Юрасика.

– Он полностью изменился, стал совершать добрые поступки, помогать людям и все такое, – наморщив лоб, припомнил Юрасик.

– Тогда Елизарову это не грозит, – сказала Лена с усмешкой. – Он вечно будет писать контрольную и отвечать стих Рубцова.

– Слушай, Зюзина! – начал заводиться Глеб. – Вот кого надо засунуть в День сурка, так это тебя. Может, хоть человеком станешь!

– На себя посмотри, Елизаров! С тобой даже рядом находиться противно!

– Так и катись отсюда!

– Да с удовольствием! Недоумок!

– Психопатка!

Глеб и Лена одновременно схватили свои сумки и направились в противоположные стороны.

– Ребята! – крикнул Юрасик им вслед. – Куда вы? Вернитесь!

Те даже не оглянулись. Юрасик положил подбородок на руки и сидел в такой позе, пока его не отыскала запыхавшаяся бабушка, успевшая обежать все школьные этажи.

Юрасик

– Да я не прятался, бабуль, – оправдывался Юрасик по дороге домой. – Я просто забыл, что ты ждешь. Закружился, из головы вылетело.

– Наверное, контрольная по алгебре трудная была, – предположила бабушка, вытирая мокрые виски концами черного платка.

«Да нет, уже не трудная», – усмехнулся про себя Юрасик. Бабушка продолжала расспрашивать его о школьном дне, слово в слово повторяя те же фразы, что и два дня назад. Он остановился, потряс головой...

– Что, Юрочка, голова болит? – забеспокоилась бабушка. – Ты вообще какой-то бледный сегодня. Это все потому, что ты перестал бывать на улице!

Таких слов в настоящую среду не было, и Юрасика немного отпустило. Он постарался увести разговор в сторону. Но стоило ему задуматься и замолчать, как бабушка вновь вернулась к своему тексту.

– Юрася, почему бы тебе все же не поехать на экскурсию вместе со всеми? – осторожно поинтересовалась она. Юрасик помнил все, что она скажет дальше, каждое ее слово, и, не в силах этого выносить, поспешно выпалил:

– Хорошо, бабуль, я поеду!

Бабушка опешила. Она не ожидала, что внук так быстро согласится, и приготовилась к долгим уговорам. А теперь все ее веские аргументы пропали впустую. Юрасик отвернулся, пряча улыбку. Так забавно манипулировать людьми, когда знаешь, что произойдет дальше!

– Правда поедешь? Не передумаешь? – спросила бабушка, все еще не веря, что внук согласился на поездку сам, без принуждения.

– Бабуля, я точно побываю на этих раскопках, – твердо пообещал Юрасик и добавил чуть тише: – И этого уже не изменить.

Перед квартирой бабушка замешкалась в поисках ключа, и пока она копалась в сумке, из двери напротив выглянула соседка.

– Ольга Ивановна! – воскликнула она. – У вас свет есть?

– Не знаю, Шура, – ответила бабушка, вытаскивая наконец ключ. – Уходила, был. А что?

– Вернулась с дежурства, а света нет. У всех, что ли, отключили?

Юрасик чуть не застонал. Все это уже было! За небольшим исключением – тогда соседка сама пришла к ним домой с этим вопросом. А, ну правильно! В настоящую среду Юрасик не задержался возле школы, и они с бабушкой вернулись раньше. И потом он провел целый час в квартире соседки, ползая по всему полу в поисках поврежденного провода. Нет, только не снова! Такие физические упражнения не для него!

– Есть у нас свет, – сказал мальчик, не дожидаясь, когда бабушка откроет дверь и щелкнет выключателем. – А у вас кролик перегрыз провода. И произошло короткое замыкание.

– Юра, ну что ты выдумываешь? – вздохнула бабушка, входя в квартиру.

– Моя Фрося? – возмутилась соседка. – Она у меня никогда ничего не грызет!

– Проверьте за холодильником, – посоветовал Юрасик тете Шуре. – Ваша Фрося оставила там улики. В виде... кроличьих шариков.

Бабушка покачала головой и назвала его фантазером. А соседка недоверчиво фыркнула и скрылась за своей дверью. Но не прошло и двух минут, как она появилась в их прихожей с квадратными глазами и потребовала объяснений.

– Юрасик, как ты догадался?! – воскликнула пораженная бабушка. Внук замялся, опустил глаза и пробормотал, что не знает, почему он так сказал. Тетя Шура слишком быстро вернулась, и Юрасик не успел придумать более или менее правдоподобное объяснение. Сказав, что ему срочно надо позвонить, он поспешно скрылся в своей комнате. Обе женщины проводили его удивленными взглядами.

– Он у вас ясновидящий! – подняв указательный палец, проговорила соседка. – В переходном возрасте это начинает проявляться.

– Ну что ты болтаешь, Шура! – рассердилась бабушка.

– Говорю вам, он предсказатель!

– Прекрати! Мальчик просто угадал.

– Нельзя так точно угадать. Он знал!

– Иди домой, Шура, лови своего кролика, – махнула рукой бабушка.

– Говорю вам, Ольга Ивановна! – крикнула соседка уже из коридора. – Ваш Юра себя еще покажет! Вот увидите.

Юрасик улыбался, слушая их препирательства. Впервые за две недели у него улучшилось настроение. Тяжесть немного отступила, и казалось, что вокруг даже стало светлее.

Глеб

Следов отца дома не обнаружилось, его тапочки аккуратно стояли под вешалкой. Неужели пошел на работу, не заходя домой? А как же он тогда переоделся? Ни фуражки, ни форменных ботинок на месте не было. Может, он приходил позже, когда Глеб уже ушел в школу? Вообще ничего не понятно!

Глеб сбросил кроссовки, швырнул в угол школьную сумку, вошел в комнату и остолбенел. Большая картина-пазл, которую он вчера рассыпал с досады, преспокойно лежала на столе практически собранная. Глеб несколько секунд смотрел на стол, как баран на новые ворота, потом хлопнул себя по лбу. Ну конечно! Сегодня же не тот день! Сегодня среда, которая уже прошла. И в среду пазл еще не был рассыпан. Он рассыплет его только завтра, в четверг. Который, кстати, тоже уже прошел. Но об этом никто не знает. Все думают, что четверга еще не было и вчера был вторник. С ума можно сойти от этих заморочек!

Глеб прошел в кухню и заглянул в холодильник. Там обнаружилась кастрюля с недельным борщом и последние три сосиски. Как странно есть ту же самую еду, которую съел два дня назад, подумал Глеб, доставая свой «обед». Он вернулся в комнату и, как в прошлый раз, расположился на подоконнике с куском хлеба и тремя сосисками в руках. Впрочем, он часто так проводил время – на подоконнике, у распахнутого окна, наблюдая за гуляющими.

Если сегодня среда, размышлял Глеб, выгрызая сосиску из целлофановой оболочки, то они с отцом еще не поссорились и тот не ушел вечером один. Но дома отец не ночевал. Значит, он все еще на службе. Во вторник утром он заступил на дежурство, а в среду утром должен был вернуться и лечь спать. Но не вернулся и не лег. У них в части что-то там произошло, и отец остался на работе. Да, точно, это тот самый день, когда Глеб мял картофельное пюре и жарил котлеты, а отец их даже не попробовал. Он пришел в девять вечера и свалился спать сразу после того, как принял душ. Получается, его не было дома утром из-за дежурства.

Во дворе малыш в синих шортах упорно карабкался на горку. Его мама болтала с подружкой, повернувшись к сыну спиной.

– Он сейчас грохнется! – неожиданно для себя закричал Глеб. Мама малыша обернулась. В ту же секунду карапуз кувырком полетел на землю и звонко завопил. Ошеломленный Глеб наблюдал, как мать схватила малыша на руки, понеслась с ним на лавку и принялась осматривать ушибы. Глеб вспомнил, что тот упал довольно удачно и через пять минут будет весело скакать по двору. Все произошло именно так и на этот раз. Как будто бы смотришь тот же самый фильм.

Глеб вдруг понял, как ему повезло. Ведь он знает весь сегодняшний день! Можно не совершать тех же самых ошибок, можно не прикладывать усилий там, где они не оправдаются. И самое главное: у него есть преимущество перед другими. Вот отец не знает, во сколько вернется домой, а Глеб знает. Он знает, что отец не будет ужинать, даже на кухню не зайдет. А раз так – зачем мучиться, чистить картошку, покупать котлеты-полуфабрикаты, жарить их? Сам Глеб прекрасно обойдется лимонадом и чипсами. Тем более если он не пойдет за котлетами, то не встретит Мухина и не сцепится с ним возле магазина. Когда известно, где находится твой враг, можно избежать с ним встречи. Или, наоборот, пойти и дать ему в бубен в тот момент, когда он этого меньше всего ожидает.

Глеб повеселел. Он подумал, что, если завтра его приключение закончится так же неожиданно, как началось, будет даже немного жаль.

Глеб забрал деньги, которые отец оставил ему на продукты, справедливо полагая, что теперь имеет право распорядиться ими по своему усмотрению. Например, прокатиться в парке на аттракционах или сходить в кино. И можно не опасаться, что отец неожиданно вернется домой. Он придет в девять вечера, минута в минуту. Как прикольно знать будущее!

Лена

– Лен, ты перегрелась? – спросил Андрейка, подозрительно поглядывая на сестру, лихорадочно мечущуюся по квартире.

– А что такое? – машинально отозвалась Лена, одновременно domывая посуду, помешивая ложкой в большом сотейнике на плите и собираясь на работу.

– Ты меня в третий раз спрашиваешь, где Аня. Утром спросила, в школе спросила и сейчас опять спрашиваешь.

– Да? И где она?

– Ты опять забыла? Она в саду на пятidineвке.

– В саду? Ее же выгнали, из-за ветрянки.

Андрейка уставился на нее. Лена поймала его странный взгляд и спохватилась:

– То есть... я хотела сказать... ну не важно. Какой сегодня день?

– И это ты уже спрашивала. Среда. Может, тебе не ходить на работу? Хочешь, я сбегаю к ним и скажу, что ты заболела?

– Я не заболела. Все в порядке. Просто... спала мало. Плакат для Вовы рисовала.

– Лен, ты что? Какой плакат?

В голосе Андрейки появилось беспокойство. Лена собрала наконец свою сумку, выключила воду и огонь под сотейником.

– Так, покормишь детей, подметишь полы, – велела она брату и выскочила из квартиры. Андрейка проводил ее озабоченным взглядом.

Лена никак не могла сосредоточиться на текущем дне. В голове переплетались вчерашние и завтрашние события. Сегодняшний день – по сути, позавчерашний, и она его уже забыла. Она и вчерашний-то день с трудом вспомнила бы. Сутки были похожи друг на друга. Особенно в последний месяц, когда мама лежала в больнице, а Лена кружилась в повседневных заботах,

как карусельная лошадка, не замечая чисел и дней недели. Ее распорядок был четко отработан, она точно знала, что и в какой последовательности нужно делать. Внезапный сбой в отлаженной системе выбил ее из привычной колеи.

Надо все-таки купить детям фруктов, размышляла Лена по дороге в салон красоты, где она подрабатывала два раза в неделю. Сегодня должны заплатить за месяц, где-то около четырех тысяч. Рублей двести можно выделить на яблоки, бананы и, так и быть, мандарины для больной Анютки. И продукты пора покупать, почти ничего не осталось, ни макарон, ни гречки, ни картошки. Даже сахар весь высыпали, обормоты. Хотя нет, еще не высыпали, это будет только завтра. Надо спрятать пачку от греха подальше, может, в этот раз уцелеет.

Открыв дверь в салон, Лена остановилась как громом пораженная. Она увидела в зале студентку Марину, застегивающую на себе рабочий халат. У Лены подкосились ноги. Она опять все перепутала. Она продолжала жить по расписанию пятницы, хотя для всех остальных была среда. Это означало, что в услугах Лены здесь сегодня не нуждаются и что никакой зарплаты не будет. На самом деле уборщицей в салоне работала Марина, а Лена ее подменяла по вторникам и пятницам.

– Лен, ты чего пришла? Не твоя же смена, – удивленно сказала тетя Мила, пожилая парикмахерша, которая и договорилась с хозяйкой, чтобы несовершеннолетнюю школьницу неофициально взяли на работу.

– Моя! Еще как моя! – звенящим голосом завопила Лена, чувствуя, что теряет над собой контроль. Сколько можно выносить весь этот бред! Она словно попала в театр абсурда. Когда же это закончится?

– Лен, твоя смена в пятницу, ты перепутала, – улыбнулась парикмахерша.

– Тетя Мила, ну хоть вы признайтесь, что сегодня пятница! – взмолилась девочка. – Что с вами всеми происходит?!

– Лена, тебе нехорошо?

– Это вам нехорошо! Это вы сошли с ума и думаете, что сегодня среда.

Две клиентки, сидящие в креслах, с интересом наблюдали за происходящим. Тетя Мила подхватила Лену под руку и утащила в подсобное помещение, чтобы не привлекать всеобщего внимания. Там она налила ей воды и усадила на старый продавленный диван.

– Переработалась, – говорила она, глядя Лену по голове, – переутомилась. Виданное ли дело, чтобы двенадцатилетний ребенок работал так, как и некоторые взрослые не работают! Отдохнуть тебе надо, с подружками погулять.

– Я не ребенок, – мотнула головой Лена, сбрасывая ее руку. – И мне уже тринадцать.

– Двенадцать, тринадцать. Какая разница? Тебе в куклы играть надо, а ты всю семью тащишь на себе.

– Мне только кукол не хватает! Время впустую тратить! И так день короткий, ничего не успеваю.

– Горемыка, – вздохнула тетя Мила. – Слушай, Лен, я тут одежонку насобирила для твоих мальчишек. Хорошая еще, внук аккуратно носит.

– Не надо, – сказала Лена, поднимаясь.

– Как же не надо? Мальчишки ведь, все как на огне горит!

– У нас все есть, спасибо. Пойду я.

– Ну как знаешь, – обиженно сказала парикмахерша. Лена допила воду и пошла к выходу через зал.

– В пятницу приходи, – добавила ей вслед тетя Мила.

– Если она вообще наступит, – буркнула Лена, проходя мимо Марины.

– Совсем плохая, школьница-то ваша, – покачала головой студентка, собирая щеткой остриженные волосы.

– Чего она сказала-то? – не расслышала тетя Мила.

– Сказала, что вряд ли доживет до этой пятницы.

– Вот горе-то! Заездили девчонку!

Мастера в зале принялись обсуждать Лену, а она уже на всех парах неслась на другую работу, в кафе «У Регины», где убиралась в среду, четверг и субботу. Кафе открывалось в пять, и к этому времени нужно было навести порядок после ночного пиршества.

В кафе царил жуткий разгром. Опять. Вернее, для Лены опять, а для всех остальных, конечно, в первый раз. Официанты сказали, что ночью здесь была драка и ей придется хорошенько потрудиться, чтобы успеть до открытия.

– Я не могу убирать это снова, – простонала Лена, без сил опускаясь на корточки. – Я в прошлый раз провозилась четыре часа!

Официанты тут же сообщили ей все, что думают о ее душевном здоровье, и предупредили, что если она сейчас же не возьмется за швабру, то может считать себя безработной. Лена процедила сквозь зубы, что здесь нужна не швабра, а лопата, а еще лучше – экскаватор, и принялась за уборку во второй раз.

Вечером, когда Лена уложила всех детей и сама собиралась рухнуть в кровать, выяснилось, что у них нет обеда на завтра. Тушеную капусту доели сегодня днем, а рассольник, который Лена варила в среду вечером (в настоящую среду), исчез. Точнее, не исчез, а просто не был готов. Все ингредиенты преспокойно лежали в холодильнике, как будто Лена их позавчера не терла на терке и не варила до полуночи.

Девочка села на табурет и тупо уставилась в одну точку. Нет, этот день сурка ей решительно не нравился. Неужели она вынуждена, как и тот парень в кино, жить в этом ужасном дне несколько лет? Она будет каждый день писать контрольную по алгебре, убирать бардак в кафе, а вечером, падая от усталости, варить рассольник? И ей никогда не выдадут зарплату, и мама никогда не вернется от папы? Может, она и вправду сошла с ума, и ей все это кажется? А на самом деле она сидит в психушке, в смиренной рубашке, и бредит? Или, может быть, она в коме? Лежит под капельницей, вся утыканная трубочками, а мозг подбрасывает ей ужасные картины?

В кухню осторожно просунулась всклокоченная голова.

– Чего тебе? – устало спросила Лена.

– Лен, я тут вспомнил, – нерешительно проговорил Вова. – Я тут это...

– Кроссовки порвал и кепку потерял?

– А откуда ты знаешь?

– Я теперь все знаю. Даже то, чего еще ты сам не знаешь.

– Ух ты! – восхитился брат. – Тебя что, молния ударила? Как в кино? И у тебя теперь уникальные способности?

– Вот именно! – усмехнулась Лена. – Ты только подумаешь о чем-то, а я уже знаю, что ты собрался натворить. Понятно?

Вова кивнул и собрался уходить.

– Послушай-ка, мой резвый друг, – остановила его Лена. – Когда завтра в саду воспитательница спросит, кто сможет нарисовать большой плакат за один вечер, не вздумай поднять руку. Как человека тебя прошу!

21 мая 2013, вторник

В раздевалке для девочек стоял оглушительный визг. Мухин и компания, уже переодевшиеся на физкультуру, перебрасывали через перегородку между женской и мужской раздевалками безобразных резиновых пауков. Девчонки визжали с удовольствием, на разные голоса, не столько от страха, сколько для поддержания общего настроения.

– Это бразильский странствующий паук! – надрывался уже охрипший Загоркин. – Убийца людей! А это черная вдова! От ее яда погибают даже самые крупные лошади. Зюзина, ты в опасности!

Хлипкая стенка между раздевалками ходила ходуном.

– Откуда в одном месте столько чокнутых сразу? – сказал Глеб Юрасику, сидя с ним на лавке. Юрасик не ответил. Он пыхтел, стягивая с себя носки.

– Ты не делай таких сложных упражнений, – насмешливо проговорил Глеб, наблюдая за его стараниями. Юрасик, наконец освободившийся от носков, внимательно посмотрел на свои ноги и вытянул их в сторону Глеба.

– Чего ты мне суешь под нос свои грязные лапы? – возмутился тот.

– Ногти, – сказал Юрасик. – Посмотри на ногти.

– Что ногти? Не ногти, а когти, прямо как у орла. Ты, наверно, когда ходишь, стучишь ими по паркету?

– Я постриг их вчера вечером и искупался. А сегодня они снова выросли.

– Да не выросли они. Просто ты постриг их в среду вечером, а сегодня еще только вторник, утро. Кстати, твоя теория не сработала.

– Какая теория?

– Насчет того, что мы застряли в одном дне. Дни-то меняются. Только почему-то не в ту сторону. После четверга наступила среда, а теперь вот вторник. А завтра что будет? Понедельник?

– Как-то это все... кошмарно и неестественно, – поежился Юрасик.

– Ну еще бы! – со смехом согласился Глеб. – Ты каждый вечер будешь приводить себя в порядок и мыться, а просыпаться – грязный и с когтями!

– Да, невероятно оптимистичный прогноз, – задумчиво сказал Юрасик, не сводя взгляда со своих босых ног.

Наконец шестой «А» шумно высыпался на улицу и, с трудом уgomонившись, построился на школьном стадионе в неровную линию.

– Бежим пять кругов! – скомандовал учитель физкультуры. – Кого увижу срезающим углы либо сидящим в кустах, тот будет бегать вокруг стадиона до конца урока. Бегом марш!

Шестиклассники без всякого энтузиазма побрели на беговую дорожку и лениво потрусили по кругу. Никто особо не рвался устанавливать рекорды, ведь, как известно, чем медленнее бежишь, тем быстрее проходит урок. Но даже такой неторопливый темп был Юрасику не под силу. Он плелся практически шагом далеко в хвосте.

– Давай, чемпион, давай, – подбодрил его Глеб, пробегая мимо во второй раз. – Тебе надо задержаться в сегодняшнем дне. Каждый день пять кругов по стадиону, и через месяц тебя будет не узнать.

– Лучше сразу умереть, – пропыхтел Юрасик, обливаясь потом.

– Сегодня вторник! Двадцать первое мая! – прокричала подбежавшая Лена.

– Да ты что? – язвительно воскликнул Глеб и перешел на шаг. – А без тебя никто и не понял. Спасибо, добрая девочка, что просветила.

– Ты клоун, Елизаров! Тут совершенно не до смеха, – сердито сказала Лена, останавливаясь. – Неужели вас не беспокоит, что с нами происходит?

– Меня беспокоит, – заверил задохнувшийся Юрасик. – Лишняя физра на неделе – это перебор.

Вся троица двинулась по беговой дорожке медленным шагом.

– Почему вдруг наступил вторник? Кто-нибудь мне может объяснить? – нервно спросила Лена.

– Потому что вторник стоит перед средой, – сказал Юрасик, отдуваясь. – И скорее всего, завтра наступит понедельник. Судя по всему, мы катимся назад.

– Но почему?! – в сердцах вскричала Лена.

– Неправильный вопрос, – сказал Глеб. – Не «почему», а «почему только мы»? Ведь все остальные, как я понимаю, живут вперед и ни о чем не догадываются. Почему именно мы, именно в таком составе угодили в какую-то мистическую западню?

– Получается, нас что-то связывает друг с другом, – предположил Юрасик.

– Да что нас может связывать? – фыркнула Лена.

– Вот об этом мы и будем думать, а после уроков встретимся на стадионе и поделимся идеями, – сказал Глеб. – Придется напрячь все свои умственные способности, у кого они есть, – добавил он, покосившись на Лену.

– Я надолго остаться не могу, – заявила та. – У меня дела.

– Ой-ой-ой! Самая деловая, что ли?

– Да уж не такая бездельница, как некоторые!

От дальнейшего обмена любезностями их спасло зоркое око учителя физкультуры.

– Это что у нас там за прогулки по окрестностям? – закричал он. – Елизаров, Зюзина! Чего ковыляете, как умирающие клячи? А ну-ка бегом – догонять ускользающие пятерки за четверть! Еще одна такая задержка – и вам их не видать.

Лена и Глеб как подстегнутые помчались вперед, стремясь обогнать один другого. Некоторое время они неслись плечом к плечу. Никто не хотел уступать. Силы были практически равны, но Глеб оказался выносливее – через полтора круга Лена все же сдалась и отстала, держась за правый бок. Глеб оглянулся на нее с видом победителя.

На третьем уроке Глеб обнаружил, что у него есть уникальная возможность отомстить своему недругу Мухину. Как и в настоящий вторник, завуч сняла всех мальчишек шестого «А» с английского языка и отправила на общественные работы. Нужно было приготовить только что отремонтированный актовый зал к празднику – внести обратно стулья, передвинуть рояль, повесить шторы на окна. Для этого завуч выделила пятерых, а еще троих забрал завхоз для работы на улице.

– Вот ты и попал, Мухин, – злорадно прошептал Глеб, спускаясь по лестнице на второй этаж. – Время работает на меня. Я-то знаю, что сейчас будет, а ты нет.

– Что ты задумал? – спросил Юрасик.

– Ты не помнишь, как он меня подставил? Мне такой разнос устроили, даже отцу звонили. Директриса орала, что это дерзкое и наглое преступление и таким негодьям, как я, не место в образцовой школе.

– Да помню я. Все помнят.

– Нет, Карась, не все. Только мы и помним. Здорово, правда?

Глеб в предвкушении потер руки – пробил час расплаты! С первого дня в новой школе эта компания терроризировала его, задирала по поводу и без повода, но на подобную подлость пошла впервые. Тогда, во вторник, пронырливый Семак обнаружил, что ключи от актового зала подходят к потайной дверце, соединяющей зал и учительскую. Об этой дверце знали все. Ею пользовались во время праздников и концертов – из учительской артисты выходили прямо на сцену. Но в другое время дверь была закрыта на ключ. А тут вдруг оказалось, что тот самый ключ находится в их руках! Как упустить такой случай?

Мухин и Семак тут же отправили Загоркина в коридор стоять на стреме, а сами проникли в учительскую и принялись рыться в классном журнале. Англичанка никогда не брала его на урок: у нее была привычка сначала выставлять оценки в специальную тетрадь. Юрасик в происходящем не участвовал. Он методично таскал по одному стулу из коридора в зал и, казалось, не замечал творящегося беззакония. А Глебу очень хотелось заглянуть в журнал и проверить, появилась ли у него двойка по русскому, которую грозился поставить Сергей Сергеевич. Ничего другого у него и в мыслях не было. В отличие от Мухина, который уже всюду орудовал шариковой ручкой, что-то подправляя в журнале. Была одна странность, на которую Глеб сразу не обратил внимания: когда он подошел к столу и потянул к себе журнал, Мухин отдал его без возражений, а Семак даже предложил Глебу ручку. Ручку он проигнорировал, плечом отодвинул Мухина от стола и склонился над журналом. К его радости, двойки не было. Он решил посмотреть оценки по другим предметам и, увлекшись, не заметил, как Семак и Мухин исчезли за потайной дверцей. Вошедшая вскоре географичка застала Глеба на месте преступления: журнал раскрыт, рядом валяется ручка. Как потом определили, именно этой ручкой были исправлены некоторые оценки, в том числе и напротив фамилии «Елизаров». Мухин подстраховался и щедро подарил Глебу несколько пятерок в качестве неопровержимых улик.

Глеб стойко выдержал весь скандал, Мухина с компанией не выдал, но затаил обиду и желание отомстить.

– Ты хочешь теперь подставить их? – спросил Юрасик, когда они вышли в коридор за стульями.

– Конечно! Пусть получают по заслугам! – Глеб горел жадной мщенья.

– Но ведь это несправедливо.

– Почему?!

– Потому что пока они ничего не сделали. Их еще не за что наказывать. Такой вот временной парадокс.

– Карась, мне плевать на твой временной парадокс. Я точно знаю, что они это сделали! Таких учить надо.

– И что ты придумал? Снимешь их на телефон и подбросишь запись завучу?

– Да нет. У меня идея лучше.

Действие развивалось по уже известному сценарию. Мухин и Семак шарили в учительской, Загоркин караулил в коридоре. Но Глеб внес свои поправки в цепочку событий. Подмигнув Юрасику, он подошел к потайной двери, два раза повернул торчащий в замке ключ и положил его себе в карман.

– Надо убрать Загоркина из коридора, – прошептал Глеб. – Сможешь?

Юрасик отрицательно замотал головой. Он был не в восторге от затеи Глеба и опасался непредсказуемой реакции Мухина. Глеб махнул рукой, подскочил к окну актового зала и выглянул во двор, где Тамасян, Овчаренко и Агапов под руководством завхоза вытаскивали из сарая какие-то доски. Глеб метнулся к двери, ведущей в коридор. Юрасик следил за ним настороженным взглядом, не понимая, что он задумал. Перед дверью Глеб задержался, приняв равнодушный вид и вразвалочку вышел. Загоркин нетерпеливо топтался возле лестницы, честно выполняя обязанности караульного.

– Эй, Загоркин, – окликнул его Глеб. – Маруся велела тебе вниз идти, там еще человек нужен, не справляются они.

– Маруся? – недоверчиво переспросил тот. «Марусей» за глаза называли завуча. – Когда это?

– Только что, с улицы нам крикнула. Сказала, чтобы пулей летел.

– А ты не врешь?

– Мое дело передать. Не ходи. Жди, когда она сама сюда поднимется и лично тебя пригласит. – Глеб повернулся, чтобы уйти. Загоркин заколебался. Неподчинение завучу было серьезным проступком.

– Елизаров, ты тут это... скажи им, чтобы уходили. – Он кивнул в сторону учительской. Глеб так же равнодушно пожал плечами и неторопливо двинулся к актовому залу, хотя внутри у него все трепетало от возбуждения – с минуты на минуту в коридоре должна была появиться географичка.

– А че я-то? Че не ты? – крикнул из коридора Загоркин.

– Она тебя больше любит, – отозвался Глеб.

Когда он вошел в зал, к нему кинулся перепуганный Юрасик и зашептал:

– Они стучат! И дверь толкают. Может, выпустим?

– Сейчас их Кира выпустит. Пошли в коридор, обеспечим себе алиби.

– Ох и наваляют нам!

– Не трусь, Карась. Завтра никто из них и не вспомнит об этом.

– Мухин до завтра ждать не будет. Сегодня получим, это точно.

Географичка Кира Давидовна появилась минуты через три. Глеб и Юрасик прилежно трудились в коридоре, разбирая огромную гору из сваленных стульев. Географичка скользнула по ним рассеянным взглядом, остановилась перед дверью в учительскую и достала ключ. Глеб замер в сладком предвкушении. Вот сейчас свершится правосудие! Кира Давидовна открыла дверь и пропала в недрах учительской. Глеб и Юрасик, ожидавшие воплей, шума, скандала, чего угодно, только не тишины, переглянулись в недоумении. Почему географичка не реагирует на лазутчиков? Когда она обнаружила Глеба у стола, то визжала так, что у него уши заложило. А сейчас молчит, будто ничего не происходит. В чем дело? Испарились они, что ли?

Кира Давидовна вышла из учительской со стопкой тетрадей в руках. Обескураженные ребята застыли в обнимку со стульями. Как же так? Где Мухин и Семак? В окно вылетели? Или шапки-невидимки надели? Но не успела географичка запереть дверь, как в кабинете раздался ужасный грохот. Кира Давидовна удивленно оглянулась на Глеба и Юрасика, потом прислушалась и резко открыла дверь. И тут ребята услышали долгожданные вопли. Они кинулись к учительской, высунулись из-за широкой спины географички, и их взорам предстала весьма живописная картина – перевернутый шкаф, разбросанные повсюду плакаты, листы, книги, карточки. А в центре – Мухин и Семак, бестолково копошащиеся в пестрой куче и пытающиеся одновременно подняться, отряхнуться и собрать содержимое шкафа.

– Карасев! Беги за завучем! – вскричала Кира Давидовна прерывающимся от негодования голосом. – Нет, стой. Елизаров, лучше ты беги. Так быстрее будет. Она во дворе.

– Ага, – с готовностью отозвался Глеб и выскочил из учительской. Продолжение скандала его не интересовало – он недавно сам был участником этих событий. Но прежде чем бежать во двор, он завернул в актовый зал, аккуратно, стараясь не шуметь, отпер потайную дверь и оставил ключ на рояле, где он и должен был находиться.

– Пацан сказал – пацан сделал! – удовлетворенно произнес Глеб. – И так будет с каждым. С Загоркиным он столкнулся на крыльце. Тот с ходу схватил его за грудки.

– Ты че наврал, что меня Маруся зовет?

– Сходи наверх – узнаешь, – холодно ответил Глеб.

– Мы с Женьком тебя встретим, Елизаров. Огребешь по полной.

– Твой Женек в ближайшее время будет очень занят, можешь мне поверить.

Глеб решительным движением оторвал руки Загоркина от своей рубашки, обошел его, нарочно задев плечом, и не спеша спустился с крыльца.

– Че-то я не понял, – ошеломленно проговорил Загоркин.

После шестого урока Лена задержалась – сдавала долг по геометрии – и на школьный стадион прибежала лишь спустя двадцать минут.

– Наконец-то, нарисовалась, – недовольно проворчал Глеб. – Долго мы тебя ждать должны?

– Меня уже бабушка, наверно, ищет, – с беспокойством проговорил Юрасик.

– Ну и давайте побыстрее все решим, – сказала Лена, поглядывая на часы. – У меня времени вообще нет.

– Времени у нее нет! Мы, между прочим, все в одной лодке, – возмутился Глеб. – Почему мы должны думать за тебя? Нам одним это надо?

– Я не прошу за меня думать. Просто я уже должна бежать.

– Ну и беги! Если тебе нравится жить в обратном направлении, можешь катиться на все четыре стороны. Тупая жирафа!

– Да я лучше буду жить в обратном направлении, чем иметь общие дела с таким болваном, как ты, Елизаров!

Лена развернулась и пошла обратно. Из-за угла школы появилась бабушка Юрасика.

– Ты тоже можешь катиться к своей бабусе, – зло сказал Глеб. – Вы мне вообще не нужны, я и один все придумаю. Угроздило же связаться с такой компанией – одна слишком деловая, другой от бабкиной юбки отлепиться не может в шестом классе!

– Иду, бабуль! – крикнул Юрасик бабушке и, виновато глядя на Глеба, пробормотал, что они все придумают завтра.

– Ну конечно! – негодовал Глеб, оставшись один. – Можем подумать и завтра, и послезавтра, и через неделю. У нас же полно времени, его просто девать некуда. Куда нам торопиться?

Он долго не мог успокоиться. Нет, ну в самом деле – почему все так скверно? Нет чтобы застрять, например, в лете! Оттолкнуться от первого сентября – и назад, в август, по второму кругу. И с какими-нибудь приятными людьми, с которыми есть о чем поговорить... Так нет же! Лета и каникул теперь не видать как своих ушей, а в напарниках – заполошенная дылда и трусливый хомяк. Где справедливость?

Лена

На обед уже не хватало времени. Нужно было срочно бежать в салон красоты, чтобы не получить нагоняй за опоздание, как в тот вторник, когда она задержалась из-за долга по геометрии и заскочила домой пообедать. В итоге смена началась без нее, мастера нажаловались хозяйке, и та не отпустила Лену в детский сад на собрание к Вове. Поэтому сейчас она решила обойтись без обеда.

Лена добежала до дороги и перепрыгнула через низкое ограждение. Идти до перехода слишком далеко, да и долго потом – спускаться под землю, подниматься на поверхность... А тут каждая секунда на счету. Лена предусмотрительно посмотрела в обе стороны и понеслась через дорогу. Откуда вдруг взялась серая иномарка, летящая прямо на нее, она понять не успела. Не было ни страха, ни боли. Только будто со стороны донесся страшный глухой удар и почему-то опрокинулось небо. Последнее, что она запомнила, – расплывчатые лица прохожих, склонившиеся над ней.

– Очнулась, бедолага, – сказала пожилая женщина в домашнем халате и с загипсованной рукой. – Сейчас сестру позову.

– Чью сестру? – проскрипела Лена. Язык не слушался, и все тело было как чужое. Голову стягивал горячий железный обруч.

– Медицинскую сестру, деточка, – ласково пояснила женщина. – Ты в городской больнице, в хирургическом отделении. А я, стало быть, твоя соседка, тетя Роза.

– В какой больнице? – простонала Лена, пытаясь пошевелиться. – Почему?

– Тише ты, не вертись. Ты ничего не помнишь? Тебя же машина сбила. У тебя и ноги и руки переломаны. Хорошо еще, что водитель успел на тормоз нажать. А то бы тебе, девка, совсем хана.

Лене удалось приподнять голову. Вместо себя она увидела белый кокон с оттопыренными в разные стороны конечностями. Лена скосила глаза и оглядела палату. На остальных кроватях лежали такие же загипсованные тела.

– Ничего, кости срастутся, ты же молодая. Месяца через три будешь как новенькая, – продолжала болтать тетя Роза. – Я тут единственная ходячая, стану помогать тебе.

– Нет! – неожиданно звонко закричала Лена. – Этого не может быть! Меня не сбивала машина! Я точно помню тот вторник! Этого не было!

Перепуганная тетя Роза позвала медсестру, и они вместе принялись успокаивать Лену. А она билась в истерику, пытаясь объяснить, что никак не может остаться сегодня в больнице. Ей срочно надо на работу, потом в сад на собрание, потом домой кормить детей, а потом мыть подъезды! На крик сбежался весь больничный персонал, находящийся поблизости. Лену успокаивали, говорили, что она не в себе, что она ударилась головой и на самом деле ей никуда не надо. Не надо на работу, не надо кормить детей, потому что никаких детей и никакой работы у нее еще нет, ведь ей всего тринадцать лет. Нашли ее сумку с дневником и уже сообщили в школу. Значит, к ней скоро приедет мама, и все будет хорошо. Она обязательно поправится.

Лене вкололи успокоительное, и она стала понемногу затихать. Мысли путались, язык заплетался, но Лена упрямо продолжала твердить, что все это ошибка: в настоящий вторник такого не было! Как сквозь вату она слышала слова медсестры:

– Да, крепко девочка головой приложилась. Как бы умом не поехала.

– Это конец... – всхлипывала Лена, засыпая. – Это конец...

20 мая 2013, понедельник

Глеб топтался на крыльце школы и ждал Юрасика, который стоял за воротами со своей бабушкой. Они торчали там уже пять минут и разговаривали. Будто дома не могли наговориться! Глеб сердито поглядывал в их сторону и нетерпеливо постукивал ногой о ступеньку. Когда бабушка поцеловала внука на прощанье, Глеб в изнеможении закатил глаза. Ну что за детский сад? Сколько лет этому пухлому тушканчику, чтобы он ходил в школу с бабушкой?

– Ты за шесть лет дорогу в школу не выучил? – ядовито поинтересовался Глеб, когда Юрасик подошел к нему. Тот взглянул на него, но ответить ничего не успел, потому что к ним безумной фурией подлетела Лена и первой же фразой сразила их наповал.

– Давайте не пойдем на первый урок! – возбужденно проговорила она.

– Зюзина! Что я слышу? Хочешь прогулять?! – изумился Глеб. – Это ты или твой двойник из будущего?

– Сейчас не до твоих глупых шуток, – отмахнулась Лена. – Дело очень серьезное. Нам нужно выбираться из всего этого как можно быстрее.

– А что случилось? – спросил Юрасик. – Еще вчера ты так не торопилась.

– Пойдемте за школу, пока нас не увидели. Там поговорим.

– Ладно, – кивнул Глеб. – Тем более что сегодня в школе делать нечего.

– Почему? – синхронно спросили Юрасик и Лена.

– Понедельник, – сказал Глеб. – Не помните? Бомба, паника, МЧС. Не хочется снова участвовать в этом представлении.

– Точно! – воскликнула Лена. – Уроков-то и не будет.

– Да, – потер лоб Юрасик, – нас же отпустили тогда. Я плохо соображаю в обратном направлении.

– И не только в обратном, – хмыкнул Глеб и поймал укоризненный взгляд Лены. Троица отправилась за школу, в самый дальний уголок спортивной площадки, который плохо просматривался из школьных окон, и расположилась возле гимнастических столбиков. Послышался приглушенный звонок на урок.

– Ну вот, – сказал Глеб, глядя на часы в своем телефоне. – Через пятнадцать минут побегут.

– Хорошо, что нас в этой толпе не будет, – отозвался Юрасик. – Меня так в спину больно толкнули в тот раз, я чуть не упал.

– Может, надо было предупредить кого-нибудь? – спросила Лена. – Пойти и сказать завучу, что никакой бомбы нет.

– Ты совсем рехнулась?! – воскликнул Глеб. – Зюзина, я тебе поражаюсь. Как объяснить, откуда мы это знаем? Ты хочешь, чтобы во всем обвинили нас? Что ж ты за бестолочь такая?

– Стоп! – решительно произнес Юрасик. – Раз уж мы втроем оказались в такой ситуации, предлагаю больше не звать друг друга по фамилии. И не обзывать. У нас одна цель – придумать, как выбраться. А если мы будем постоянно ругаться, у нас ничего не выйдет.

– Я согласна! – сказала Лена. – Надо объединиться.

– Кто бы говорил! Кто вчера наплевал на нас и ушел по своим делам? – ворчливо напомнил Глеб. – Что-то изменилось?

– Просто я не думала, что опасности могут подстергать нас еще и в прошлом, – сказала Лена и поведала ребятам, что с ней вчера произошло. Они слушали открыв рот.

– Представляете, еще вчера мои руки и ноги были в гипсе, и я не могла даже пошевелиться! Я была в больнице среди таких же калек. – Лену передернуло от воспоминаний. – А утром проснулась целая и невредимая и у себя дома!

– Потому что авария была не вчера, а будет только завтра, во вторник, – сказал Глеб. – А сегодня понедельник, и ты еще здорова.

– Но в настоящий вторник никакой аварии не было! – воскликнула Лена.

– Может, ты что-то сделала по-другому? Что-то изменила? – предположил Юрасик. Лена наморщила лоб, припоминая.

– Ну да, – сказала она. – Я не зашла домой после школы, а сразу побежала на работу. Я не хотела опоздать.

– А в прошлый раз опоздала? – уточнил Юрасик. Лена кивнула.

– Ну, все понятно, – подхватил мысль Глеб. – В настоящий вторник ты задержалась дома, и та машина успела проехать. А вчера, то есть завтра, ну, в общем, в параллельный вторник, ты подошла к тому самому месту раньше и встретила с ней. Так что все логично.

– Что же получается? Если я не повторю в точности весь день, я не могу быть уверена в своей безопасности? – возмутилась Лена. – Не нравится мне это. Давайте думать, как все вернуть назад.

– Надо сначала понять, почему это произошло, – вздохнул Глеб. – Найдем причину – найдем и выход.

– Я вчера весь день размышлял, – задумчиво сказал Юрасик. – Причина может крыться только в последнем дне, то есть в последнем нормальном дне. А это двадцать третье мая, четверг. Что-то произошло именно в тот день. То, что касается нас троих.

– Двадцать третьего мы ездили на экскурсию, – сказала Лена. – Но и весь класс тоже ездил. А у них все в порядке.

– Мы втроем сидели на одном сиденье, – вспомнил Глеб. – Но я не думаю, что именно это сиденье в автобусе было аномальной зоной.

– Я бы не удивилась, – фыркнула Лена.

– Да нет, – отмахнулся Юрасик. – Тут наверняка дело в раскопках. Мой дед бывал в разных экспедициях. Он мне рассказывал, что с раскопками связано очень много аномальных явлений. Иногда такое происходит, что и поверить невозможно. Вы же слышали о проклятии фараона Тутанхамона? В течение восьми лет один за другим умерли двадцать ученых, практически все, кто исследовал гробницу.

– Но мы-то ничего не исследовали, – возразил Глеб. – Никакой гробницы там и в помине не было.

– Знаю! – закричала вдруг Лена и ткнула пальцем в Глеба. – Древняя стена! Этот вандал испоганил стену, которой три тысячи лет! И она теперь ему мстит!

– Ты бредишь, Зюзина, стена не может мстить, – сказал Глеб, но в его голосе не было уверенности.

– Мстит, и правильно делает, потому что нельзя так по-варварски относиться к древним цивилизациям! Тем более к майя!

– С чего ты взяла, что это майя? Это не доказано.

– Считай, что доказано! Ты испортил стену – и сразу получил урок, на следующий день! Тебе же сказали, что это самая загадочная цивилизация на планете. Они-то знают, как обращаться с такими варварами.

Глеб повернулся к Юрасику, ища у него поддержки:

– А ты чего помалкиваешь, внук профессора? Ты тоже думаешь, что все из-за этой дурацкой стены?

– Очень может быть, – задумчиво произнес Юрасик. – Мне дед рассказывал такой случай. Один археолог в экспедиции отколол кусочек от стелы древнего храма, и у него через некоторое время поехала крыша. Он на полном серьезе утверждал, что по ночам переносится в этот древний город, видит людей, которые жили там раньше, разговаривает с ними, причем на их языке.

– Да фигня все это, – сказал Глеб. – Страшилки для детей.

– А то, что с нами происходит, – не страшилки? Для всех остальных мы тоже тронулись, если наш календарь пошел в обратную сторону! – напустилась на него Лена. – Только одно непонятно: если виноват ты, почему мы с Карасевым тоже пострадали?

– Потому что вы меня не остановили! – закричал Глеб, внезапно разозлившись: почему надо во всем обвинять его одного? – Что же вы молчали, если такие умные?

– Интересно, как мы тебя могли остановить?! – заорала в ответ Лена. – Ты же никого не слушаешь!

– Да заткнитесь вы оба! – вышел из себя миролюбивый Юрасик. Это было так необычно, что и Лена и Глеб разом смолкли и уставились на него.

– Скорее всего, мы просто находились рядом, когда ты писал. Из раскопа все уже выбрались, кроме нас. Поэтому получилось, будто мы втроем заодно, – смущенно объяснил Юрасик, уже сожалея о своей вспышке.

– Обалдеть! – прошептала Лена. – Вот попали так попали.

Несколько минут они сидели молча, погруженные в свои невеселые мысли. Вдруг тишину майского утра прорезал противный вой пожарной сирены. Ребята, вытянув головы, пытались разглядеть сквозь ветки деревьев окна школы.

– Ну вот, началось, – нарушил тягостное молчание Глеб. – Сейчас понесутся.

– Да, – отозвалась Лена. – А нас там нет. Нас вообще нет. Все живут вперед, а мы назад. Нас просто выбросило из жизни, спасибо Елизарову.

– Да хватит ныть, – небрежно сказал Глеб. – Если дело действительно в стене, то вообще никаких проблем. Надо просто поехать и стереть надпись. Тогда все вернется на свои места. И нечего устраивать трагедию на пустом месте.

– Как ты ее убережешь, ты же ее нацарапал!

– Как нацарапал, так и уберу. Просто счищу тот слой, где надпись.

– Не вздумай! Еще хуже сделаешь. Проснемся потом в хижине древних индейцев в каком-нибудь втором веке до нашей эры!

– Тебе там самое место!

– Для начала надо узнать, как добраться до раскопа, – примирительно сказал Юрасик. – Кто-нибудь запомнил дорогу?

Глеб и Лена покачали головами. Никто за дорогой не следил. Они же не думали, что это пригодится.

– Мы повернули к дачному массиву, в сторону Воскресенки, – вспомнил Юрасик. – Но где именно ехали, не знаю.

– Надо у кого-нибудь спросить, где этот самый лагерь, – предложила Лена.

– У кого? Мы же туда случайно попали, по пути, – сказал Глеб. – Водитель автобуса предложил нашей классной заехать туда.

– Ну да, – согласился Юрасик, – Клара Борисовна сказала, что мы сейчас посетим одно любопытное место.

– Очень любопытное, – проворчал Глеб. – Мы до сих пор в шоке.

– Кстати, вы не заметили, что у водителя знакомое лицо? – спросила Лена. – Я его где-то видела.

– В интернете, – сказал Юрасик, думая о своем.

– Чего? – удивилась Лена. – В каком интернете? У нас ни интернета, ни компьютера нет.

– Можно поискать информацию в интернете, – закончил Юрасик свою мысль. – Должно же быть упоминание о такой интересной находке.

– Я могу выходить в интернет, когда отец оставляет дома свой планшет, – пробурчал Глеб. – Но в последнее время такого почти не случается.

– Тогда можно... – начал Юрасик и осекся. Он никогда раньше не звал в гости одноклассников и не имел представления, удобно ли предложить им вот так запросто пойти к нему домой. А вдруг они не захотят? Вдруг посмеются над ним? Ведь, чтобы захотеть пойти к кому-то в гости, нужно испытывать к человеку хотя бы симпатию. А печальный опыт прожитых школьных лет показывал, что Юрасик особой симпатией в классе не пользовался. Одноклассники к нему относились либо с безразличием, либо с легким пренебрежением.

– Ну что, Карась, остаешься только ты! – категорично заявил Глеб, не замечая его душевных терзаний. – Ведь у внука профессора по-любому должен быть интернет. Правда?

– Правда! – воспрянул духом Юрасик. – Есть! И бабушка ушла. Ее до двенадцати не будет. Пошли прямо сейчас.

– А ты дорогу без нее найдешь? Адрес-то помнишь? – подколот его Глеб. Юрасик на радостях пропустил шутку мимо ушей, зато Лена вновь одарила Глеба осуждающим взглядом.

Юрасик жил в самом престижном районе поселка, практически в центре, возле парка развлечений, где гордо возвышались несколько пятиэтажек. На фоне остальных двухэтажных зданий они казались небоскребами. Подъезды были оборудованы домофонами, а на подоконниках лестничных клеток стояли цветы в горшках. Ребята поднялись на второй этаж и вошли в квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.